

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(1): 59-70

DOI: 10.13187/rs.2020.1.59
www.ejournal15.com

Problems of Demographic Development of Russian Ethnic Groups in the 1920s

Sergei A. Kropachev^{a,*}

^aInstitute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article deals with the demographic development of nations, nationalities and tribal groups in the Russian Soviet Federative Socialist Republic in the 1920s. The questions of transition of the country to peaceful life after the Civil War and how it influenced the population dynamics are considered. The author analyzes the features of the administrative territorial division of Russia and the dynamics of the development of almost 200 ethnic groups that existed in the country at that time. The author considers the issues of life expectancy, mortality, family and marriage relations, literacy and beliefs of various ethnic groups. The conservation of traditional ways of life of peoples and the preservation of entrenched types of population reproduction in the conditions of mitigation of exogenous factors is emphasized.

Keywords: demographics, ethnic groups, Russia, RSFSR, 1920s, administrative territorial division.

1. Введение

Статья посвящена анализу демографического развития наций, народностей и этнических групп, проживавших в РСФСР в 1920-е гг. Хронологические рамки работы охватывают период с конца 1920 г., когда закончился основной период Гражданской войны (Россия и СССР, 2001: 157), до 1929 г., названного Сталиным «годом великого перелома». В 1920-е гг. власть вынуждена была отказаться от губительной политики «военного коммунизма» и перейти к более лояльной по отношению к народу новой экономической политике. Авторитетные исследователи называют этот короткий период «эрой умиротворения» и «золотым веком» советской демографии (Исупов, 2000: 71; Демографическая модернизация, 2006: 448–451). Согласимся с этими оценками с оговорками. Во-первых, не все демографические проблемы предыдущего кризисного периода (1914–1921 гг.) были преодолены. Во-вторых, страшный голод, разразившийся в 1921–1922 гг. в Поволжье, Казахстане, на Северном Кавказе, юге Украины, унес миллионы человеческих жизней (Демографическая модернизация, 2006: 401; Население России, 2000: 130–133; Исупов, 2000: 67–68).

Тем не менее, страна возрождалась. Этому способствовала демобилизация Красной армии. Численность личного состава Вооруженных Сил РСФСР за вторую половину 1921 г. сократилась на 650 тыс. человек (Россия и СССР, 2001: 142). Это были мужчины в активном, репродуктивном возрасте. Воссоединение семей, а также восстановление крестьянской общины с ее регулярными земельными переделами по количеству едоков, привели

* Corresponding author

E-mail addresses: rektor@eipk.info (S.A. Kropachev)

к повышению уровня рождаемости (Исупов, 2000: 71). С 1923 по 1928 гг. в СССР, прежде всего в сельской местности (Всесоюзная перепись, 1939: 20), общий коэффициент деторождения был очень высоким и варьировался от 45,3 до 49 % (Исупов, 2000: 72). По утверждению В.А. Исупова, «в советской деревне в годы нэпа был достигнут предел рождаемости, ограниченный только физиологическими возможностями женского организма» (Исупов, 2000: 72).

Признаками перехода к мирной жизни стали преодоление разрухи и последствий Первой мировой, Гражданской войн, интервенции, резкое увеличение производства продуктов питания, товаров первой необходимости, медикаментов. Все это вело к повышению благосостояния и росту качества жизни в СССР.

Формировалась система бесплатного государственного медицинского обеспечения. Значительно улучшилась эпидемиологическая обстановка в стране. Были побеждены пандемии и эпидемии, свирепствовавшие в годы Гражданской войны (Исупов, 2000: 67; Демографическая модернизация, 2006: 402, 580). Однако, острые инфекционные и желудочно-кишечные болезни в середине – второй половине 1920-х гг. продолжали оставаться повседневным явлением (Исупов, 2000: 74-75).

В связи с улучшением внешних факторов, в значительной степени влиявших на демографические процессы, в стране сократилась смертность. Общий коэффициент смертности населения СССР составлял во второй половине 1920-х – 1930 г. от 25 до 27 %, что было меньше не только по отношению к периоду Гражданской войны, но и благополучному довоенному 1913 г. (Исупов, 2000: 72; Демографическая модернизация, 2006: 262). В Российской империи очень высокой была младенческая смертность. В 1913 г. на первом году жизни умирало 269 из каждой тысячи родившихся (Демографическая модернизация, 2006: 262). За весьма короткий срок в СССР добились резкого снижения детской смертности, что говорит о позитивных социальных изменениях в стране и успехах советского здравоохранения. Если в 1920 г. в СССР из каждой тысячи новорожденных умер, не дожив до года, 251 младенец, то в 1923 г. – 229, в 1926 г. – 197, в 1927–1928 гг. – 182 новорожденных. Таким образом, за 1920–1928 гг. коэффициент младенческой смертности в Советском Союзе уменьшился на 27,5 % (Исупов, 2000: 72). В России в эти годы показатели детской смертности были выше общесоюзного. Так, в 1930 г. в РСФСР умирали 227 младенцев на 1000 родившихся (Демографическая модернизация, 2006: 262). Но в целом успехи в борьбе с детской смертностью в первые десять лет после окончания Гражданской войны были весьма внушительными.

Переход к мирной жизни, смягчение экзогенных факторов, восстановление социальной инфраструктуры, снижение общих коэффициентов смертности населения СССР и России, в том числе сокращение детской смертности, привели к увеличению ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Если в 1920 г. в России она в среднем составляла (у мужчин и женщин) 20,5 лет, то в 1926–1927 гг. – 37,5 лет (Исупов, 2000: 73). Это было значительно ниже, чем в США, Японии и развитых странах Европы (Демографическая модернизация, 2006: 270-273), но за неполных десять лет произошел серьезный скачок.

Глобальным следствием позитивных изменений в СССР стал естественный прирост населения. В годы нэпа (1923–1928 гг.) коэффициент естественного прироста населения Советского Союза составлял от 17,9 до 21,4 %. Ежегодно население страны в этот период увеличивалось в среднем на 3 млн человек (Исупов, 2000: 72-73). К сожалению, 1920-е гг. стали коротким периодом относительной демографической стабильности, который скоро сменился глубоким кризисом 1930–1940-х гг. и снижением основных характеристик народонаселения. Демографическое благополучие 1920-х гг. по-разному повлияло на жизнь, быт, уклад, верование и здоровье народов, населявших РСФСР.

2. Материалы и методы

В 1926 г. в СССР была проведена Всесоюзная перепись населения, которая, по мнению большинства специалистов, стала лучшей в советское время. Согласно переписи, на конец 1926 г. в СССР проживало 146 989 460 человек, в самой крупной союзной республике – РСФСР – соответственно 100 857 985 человек (Всесоюзная перепись, Вып. III: 48). В Российскую Федерацию входило 11 автономных советских социалистических республик: Карельская, Башкирская, Татарская, Чувашская, Немцев Поволжья, Крымская,

Дагестанская, Казахская, Киргизская, Бурят-Монгольская и Якутская. В нее также входили 13 автономных областей: Коми (Зырянская), Вотская, Марийская, Калмыцкая, Адыгейско-Черкесская, Ингушская, Кабардино-Балкарская, Карачаевская, Северо-Осетинская, Черкесская, Чеченская, Ойратская и Кара-Калпакская области. Помимо этого, в РСФСР входили три края – Дальневосточный (с островом Сахалин и полуостровом Камчатка), Сибирский и Северо-Кавказский, а также Уральская область, делившаяся на округа в качестве административных единиц. В состав краев входили автономные области, а на Северном Кавказе и автономные города – Владикавказ и Грозный ([Всесоюзная перепись, Вып. III: 51](#)). В Российской Федерации насчитывалось 32 губернии (будущие области).

Мы видим пеструю картину административно-территориального деления России в середине 1920-х гг. Такой же разнообразной была этническая карта республики. Для Всесоюзной переписи населения 1926 г. Комиссией по изучению племенного состава населения Академии наук СССР был составлен «Перечень и словарь народностей» (далее – Перечень), на основе которого анализировались данные Переписи о народностях и языках ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: III–IV](#); [Всесоюзная перепись, 1937/2: 312](#)). В Перечне все этнические группы, входившие в состав наций и народностей, учитывались как самостоятельные, даже если насчитывали сотни или десятки человек. В дальнейших переписях 1937, 1939 гг. были взяты за основу крупные нации и народности, поэтому число этнических групп в них меньше примерно в два раза по сравнению с 1926 г. ([Всесоюзная перепись, 1937/2: 312](#)).

В перечне народностей 1926 г. было указано 187 этнических единиц, 7 из которых переписью не были зарегистрированы ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: IV](#)). Важным требованием переписи было положение, по которому опрашиваемый самостоятельно определял свою принадлежность к тому или иному народу. Инструкция предписывала, что «при записи не следует переделывать показания опрашиваемого» ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: III](#)). Это же относилось и к языку. Не всегда принадлежность к этносу совпадала с принадлежностью к данному языку как родному ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: IV](#)).

Перепись 1926 г. зафиксировала на территории СССР около 200 этнических единиц ([Поляков, 1986: 156](#); [Жиромская, 2001: 75](#)). Более точную цифру назвать трудно. Во-первых, в основном издании итогов переписи, в отличие от кратких сводок, вышедших ранее, некоторые этнические группы с очень малым числом представителей (как это в дальнейшем будет в 1937 и 1939 гг.) присоединены «в целях экономии места» к более крупным родственным группам ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 1](#)). Во-вторых, в кратких сводках содержатся данные о двух группах народностей («Прочие народности» и «Народность не указана»), в которых насчитывалось соответственно 8381 и 90 199 человек. Но определить, какие этнические единицы вошли в эти группы, не представляется возможным. Кроме того, перепись 1926 г. выявила 389 989 иностранцев (надо полагать, иностранных подданных), которые вошли в общее число жителей СССР в 1926 г. ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 22](#)).

3. Обсуждение и результаты

Итак, 200 этносов! Нельзя не согласиться с академиком Ю.А. Поляковым в том, что «такое количество наций, народностей, этногрупп в составе одной страны – уникальное явление, не имеющие аналогов в истории нового времени» ([Поляков, 1986: 157](#)). Большинство из этносов, более 90 %, проживавших в 1926 г. на территории СССР, были зафиксированы переписью и на территории России, за исключением десятка немногочисленных этнических групп (ираны, джемшиды, хазара, белуджи и др.).

В 1920-е гг. многочисленные народы России находились на разных уровнях своего экономического, политического, социального, культурного развития. Академик Ю.А. Поляков выделил следующие стадии развития различных народов в начале 1920-х гг.:

- капитализм;
- феодализм;
- родоплеменной строй;
- патриархально-родовой строй.

Существенные отличия в своем развитии этносы имели не только между собой, но один и тот же народ мог находиться на различных стадиях эволюции на территории одной страны в одно и то же время ([Поляков, 1986: 197–198](#)).

Государствообразующей, основной национальностью в 1920-е гг. в Российской Федерации были русские. Их, по данным переписи 1926 г., в республике проживало 74 042 тыс. человек или 73,4 % от общего числа жителей ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: V](#)). Из них в городах – 14,6 млн, в сельской местности – 59,4 млн человек ([Араловец, 2009: 48](#)). Русский был родным языком для 77 840 тыс., или 77,2 % населения ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: V](#)). Русские (иногда в документах тех лет писали «великоруссы») проживали на всей территории республики. Наиболее высокий их процент был сосредоточен в центральных районах европейской части Российской Федерации – Промышленном, Черноземном, Западном, Северном районах и др. ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: V](#)). Десятки этнических групп, проживавших в РСФСР в 1920-е гг., насчитывали 100 тыс. и более человек или 0,1 % и более от общей численности жителей республики. Вслед за русскими самыми крупными народами являлись украинцы – 7873 тыс., татары, включая крымских татар, – 2846 тыс. (без родственных народов – мишарей, тептярей, нагайбаков, кряшенов), мордва – 1335 тыс., чувашаи – 1.115 тыс., немцы – 806 тыс., башкиры – 713 тыс., белорусы – 638 тыс., евреи (включая крымских и горских) – 589 тыс., вотяки – 504 тыс., марийцы – 428 тыс., чеченцы – 318 тыс., карелы – 248 тыс., финны ленинградские (включая категорию «финны») – 241 тыс., зыряне – 221 тыс., поляки – 198 тыс., эсты – 150 тыс. и др. ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 2-14](#)).

Как известно, в РСФСР в 1920-е гг. в качестве автономных республик входили Казахстан и Киргизия. Соответственно в России насчитывалось 3852 тыс. казахов и 672 тыс. киргизов ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 16](#)). Распределение этносов по территории республики в эти годы подробно описано в исторической литературе ([Поляков, 1986: 157-186](#); [Жиромская, 2001: 74-79](#); [Араловец, 2009: 48-49](#)).

Русские и русский язык в качестве родного преобладали в большинстве субъектов республики. Соответственно их влияние на другие народы в культурном, языковом, ментальном, значительно реже – в религиозном аспектах было очень велико. В стране шли процессы ассимиляции и этнической интеграции в пользу русского народа и русского языка.

Но не везде в 1920-е гг. русские составляли большинство населения. Исключением были национальные автономии (республики и области). Из 24 автономий коренные народы занимали первое место в 19 своих территориях, а их языки главенствовали над языками других народов, проживавших в национальных районах ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 42-96](#)). Это относится ко всем (за исключением Ойротской) автономным областям и к семи из одиннадцати автономным республикам (Татарская, Чувашская, Немцев Поволжья, Дагестанская, Казахская, Киргизская и Якутская АССР). Титульная нация и титульный язык, как правило, в количественном отношении являлись определяющими в той или иной автономии. Но были некоторые нюансы. В Адыгейско-Черкесской АО на первом месте значатся черкесы и черкесский язык, в Ингушской – ингуши, но язык – чеченский, в Кабардино-Балкарской – кабардинцы, язык – черкесский, в Дагестанской – горцы и горские языки и т.д. ([Всесоюзная перепись, 1939: 57, 58, 247, 248](#)).

Устойчивым явлением было то, что русские и русский язык оставались вторыми даже в национальных автономиях. Исключение составляли Ингушская АО, где русские были третьими по численности населения, а язык – на втором месте, Кабардино-Балкарская – четвертое место по национальности и языку, Карачаевская – шестое и четвертое, Северо-Осетинская – третье место по обоим показателям, Черкесская – пятое и третье места ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 79-81](#)).

Тенденция к увеличению русского населения в субъектах республики продолжала нарастать и в последующие годы. Так, по переписи 1939 г. русские составляли большинство населения в 54 из 66 областей, краев, автономных республик и автономных областей РСФСР ([Всесоюзная перепись, 1939: 59-68](#)).

Вернемся к анализу развития этносов в 1920-е гг. Были национальные особенности в административно-территориальном делении Северо-Кавказского и Сибирского краев. В последнем существовало два округа, где первое место по численности населения и языку занимали хакасы, Хакассский округ, и украинцы, Славгородский округ ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 92, 94](#)). В октябре 1930 г. Хакассия получила автономию, но коренной народ вскоре перестал быть лидирующим в структуре населения. Если в середине 1920-х гг. в Хакассии хакасов и русских было примерно равное количество, то в конце 1930-х гг.

русских в автономной области насчитывалось в пять раз больше – более 200 тыс. человек ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 94](#); [Всесоюзная перепись, 1939: 60](#)).

В Северо-Кавказском крае в середине 1920-х гг. имелись четыре округа с преобладанием украинского населения и украинского языка – Донецкий, Кубанский, Таганрогский и Черноморский ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 73-77](#)). Во-первых, это объясняется жизнью населения Донецкого и Таганрогского округов в условиях русско-украинского пограничья и наличия устойчивых семейных, родственных, экономических и иных связей с Украиной. Во-вторых, традиционно население кубанских станиц самоидентифицировало себя с украинскими этносом. Это проявлялось в элементах материальной культуры, в том числе в жилище, одежде, пище, изделиях народных промыслов. Говорили (и это в значительной мере сохранилось сегодня) сельские жители Кубани на «балачке» – своеобразном синтезе украинского языка и южнорусских диалектов.

Важной особенностью регионов России в 1920-е гг. была их многонациональность. Несмотря на то, что русские составляли более 73 % от общего числа жителей республики, остальные народы играли важную роль в социально-экономическом и культурном развитии. Несколько народов проживало во всех губерниях, краях, областях и национальных автономиях. Это три восточнославянских народа – русские, украинцы, белорусы, а также татары (казанские), евреи, поляки, немцы и цыгане. Такое рассредоточение по субъектам республики данных народов объясняется разными причинами, прежде всего историческими. Немцы и поляки являлись потомками переселенцев XVIII–XIX вв., осваивавших огромные пространства Российской империи. Если немцы в основном обитали в сельской местности и занимались сельским хозяйством, то поляки преимущественно являлись специалистами (инженеры, врачи, учителя) и проживали в городах. После отмены «черты оседлости» в 1917 г., запрещавшей, начиная с 1791 г., проживание евреев за пределами западных и юго-западных губерний Российской империи, их значительные группы стали переселяться в другие районы. Этот процесс получил значительный размах в 1920–1930-е гг. ([Поляков, 1986: 186](#)). Цыгане, которые вели кочевой образ жизни, присутствовали практически во всех регионах страны. В дальнейшем, большая часть цыган перешла на оседлость, но в 1920-е гг. этот процесс еще не начался ([Поляков, 1986: 186](#)). Проживание указанных народов на всей территории страны объясняется также трудовой миграцией, изменением границ РСФСР в 1920-е гг. и др.

Обратимся к характерным примерам распределения народов на территории республики и их особенностям. В переписи 1926 г. все субъекты были сгруппированы в 19 районах (регионах), куда входили те или иные губернии, края и национальные автономии, похожие по составу населения, социально-экономическому развитию и другим параметрам. Иногда территории районов (регионов) совпадали с территориями тех или иных субъектов федерации. Как уже говорилось, в их большинстве проживали русские, за исключением национальных республик и областей. Часто русское население составляло 90 % и более от общего числа жителей территории. Но были и свои рекордсмены. Так, в Вологодской губернии проживало 99,6 % русских, во Владимирской – 99,4 %, Иваново-Вознесенской – 99,3 %, Орловской – 99,1 %, Тамбовской – 99,1 % и т.д. ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 42, 43, 48, 49, 55](#)). В Архангельской губернии, входившей в Северный район, кроме русских, проживали зыряне, самоеды, евреи, татары, украинцы, поляки, латыши. В Ленинградской губернии (Ленинградско-Карельский район) также проживали финны ленинградские, евреи, эсты, поляки, немцы, латыши, белорусы, ижорцы, украинцы, вепсы, финны, татары, литовцы, мишкари, карелы, в Смоленской губернии (Западный район) – евреи, белорусы, латыши, поляки, украинцы, цыгане, литовцы, немцы, в Иваново-Вознесенской губернии (Центрально-Промышленный район) – татары, белорусы, евреи, украинцы, поляки, мордва, эсты, в Орловской губернии (Центрально-Черноземный район) – евреи, белорусы, поляки, немцы, латыши, цыгане, татары, в Вятской губернии (Вятский район) – марийцы, вотяки, татары, пермяки, бесермяне (в дальнейшем отнесены к удмуртам), евреи, поляки, цыгане, в округах Уральской области (Уральском районе) – украинцы, татары, белорусы, мордва, чувашаи, казахи, поляки, эсты, цыгане, евреи, латыши, зыряне и другие народы. В Оренбургской губернии (Средне-Волжский район) проживали, кроме русских, украинцы, татары, казахи, мордва, немцы, башкиры, евреи, белорусы,

в Астраханской губернии (Нижне-Волжский район) – татары, казахи, украинцы, евреи, калмыки, армяне, немцы, персы, поляки, туркмены.

Границы Башкирского района совпадали с Башкирской АССР, Крымского – с Крымской АССР, Дагестанского – с Дагестанской АССР, Казахского и Киргизского районов – соответственно с Казахской и Киргизской АССР, Сибирского района – с Сибирским краем, Северо-Кавказского района – с Северо-Кавказским краем, Бурят-Монгольского района – с Бурят-Монгольской АССР, Якутского района – с Якутской АССР, Дальневосточного района – с Дальневосточным краем. Последний был весьма полиэтничным. На его огромных просторах проживали русские, украинцы, корейцы, белорусы, тунгусы, чукчи, буряты, поляки, евреи, коряки, татары, гольды, камчадалы, гиляки, китайцы, молдаване, мордва, латыши, немцы, эсты, удехе, ламуты, литовцы, цыгане, румыны, ороганы, якуты, чуваша, орочи ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 42-97](#)).

Многонациональными в 1920-е гг. были города, прежде всего столичные – Москва и Ленинград. В 1930-е гг., в связи с быстрыми темпами индустриализации и урбанизации, городское население резко увеличивается, разнообразнее становится и его национальный состав ([Всесоюзная перепись, 1937/2: 60-67](#)).

Учитывая основные народы, проживавшие на территориях республики, перепись 1926 г. выделяла еще две категории – «иностранцы» и «прочие». В состав «прочих» входили, как правило, народы проживавшие в субъектах РСФСР в небольшом количестве. Их доля составляла до 2 %.

Даже на фоне такого национального разнообразия был регион, отличавшийся уникальным представительством народов, проживавших на одной территории, в составе одной автономной республики. Это Дагестанская АССР, образованная в 1921 г. ([Поляков, 1986: 174](#)). Перепись 1926 г. выявила в республике более тридцати коренных народностей и этнических групп: авары или аварцы, агулы, андии или андийцы, арчинцы, ахвахцы, багулалы (богулалы), ботлихцы, годоберинцы, даргинцы, дидои или дидойцы (встречается наименование цезы), кайтаки или кайтагцы, каратаи или каратины, капучины, кубачинцы, кумыки, лаки или лакцы, лезги или лезгины, ногайцы, рутулы или рутульцы, таты, тиндии или тиндалы, табасараны или табасаранцы, удины, хварцины или хваршинцы, чамалалы, цахуры, чинухцы, бежтины или бештинцы, гунзебцы, акушинцы, хюркилинцы, цудахарцы, сирхинцы, муиринцы (последние пять диалектно-этнографических групп относятся к даргинцам), кюринцы, ахтынцы, кубинцы (относятся к лезгинам).

В последующие годы более мелкие народности и этнические группы включили в состав крупных народов. Например, кайтаки и кубачинцы слились с даргинцами. В категорию аварцев вошли четырнадцать народностей родственные им по языку и др. ([Поляков, 1986: 174](#); [Всесоюзная перепись, 1939: 246](#)).

В материалах Всесоюзной переписи населения 1979 г. были оставлены только десять народов Дагестана: агулы, аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, ногайцы, рутульцы, табасараны, цахуры ([Поляков, 1986: 174](#)).

Это говорит не столько о процессах ассимиляции и этнической интеграции, сколько о том, что в условиях господства коммунистической идеологии более важным для режима было обосновать искусственно формируемую аморфную общность «советский народ», чем сохранить уникальную самобытность десятков этносов с их языками, культурой, традициями, многовековой историей.

Краткие сводки, подготовленные после проведения переписи 1926 г., не выделяли коренные народы Дагестана, обобщив их под названием «горцы» и указав долю в структуре населения республики – 61,76 %. Удивительно, но кумыки и ногайцы, которых обычно относят к народам Дагестана, были даны в сводках отдельно. Их не включили в собирательное понятие «горцы» ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 81, 82](#)). Также в Дагестанской АССР проживали русские, тюрки, чеченцы, ингуши, евреи горские, армяне, украинцы, персы, евреи, татары, немцы, туркмены ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 81, 82](#)). С учетом категории «прочие» (0,62 %) в республике в 1920-е гг. обитало более пятидесяти народов и этнических групп.

В любом государстве жизнь в условиях этнической чересполосицы не может быть простой и безоблачной. Мы хорошо это знаем и помним по событиям 1980–1990-х гг., когда республики СССР, Югославии и других стран захлестнули волны межнациональных

конфликтов. В 1920-е гг. также было немало проблем и нерешенных вопросов в отношениях между народами. Но новая экономическая политика принесла оттепель в сферу не только социально-экономических, но и межэтнических отношений, культурного развития наций и народов. Этноссы, даже малочисленные, имели возможность изучать свой родной язык, культуру, традиции, историю, сохранили свою веру. Работали национальные школы, дома культуры, храмы, мечети, костелы, синагоги. Активная борьба с религией и церковью, которую вели большевики в годы революции, Гражданской войны и голода, поутихла, правда, ненадолго. Рассмотрим жизнь этноса в 1920-е гг. на примере польской диаспоры Кубани.

Появление поляков на Кубани было связано, прежде всего, с расширением границ Российского государства. В составе казачьих отрядов, переселявшихся в кубанские земли по повелению Екатерины II с территорий, некогда входивших в состав Речи Посполитой, встречалось немало этнических поляков. С началом Кавказской войны (1817–1864 гг.) количество поляков-военных в регионе постоянно увеличивалось. По мере стабилизации социально-политической ситуации кавказские земли все более нуждались в специалистах самых разных направлений, что также способствовало увеличению числа польского населения гражданских профессий, желавших сделать карьеру в динамично развивающемся регионе империи ([Население и территория, 2017: 549](#)).

По данным Всероссийской переписи населения 1920 г., в Кубано-Черноморской области проживало 7238 поляков ([Кропачев, Селицкий, 2016: 16](#)). Польскую диаспору Кубани отличали: преобладание мужского населения; некомпактное проживание, в основном в городах; наличие значительного количества квалифицированных специалистов; высокая степень организации культурной и духовной жизни; активное желание не потерять свои этнические корни ([Кропачев, 2018: 110](#)).

В 1920-е гг. религиозная и культурная жизнь польской общины Кубани формировалась вокруг римско-католических костелов. В конце XIX – начале XX в. на территории Кубанской области (основана в 1860 г.) и Черноморской губернии (основана в 1896 г.) был построен ряд римско-католических религиозных центров. Поляки сыграли решающую роль в создании и развитии четырех из них. Это Екатеринодарская приходская церковь во имя Розария Пресвятой Девы Марии (1893 г.), Новороссийский молитвенный дом во имя Святой Анны (1895 г.), Армавирский молитвенный дом Иконы Ченстоховской Божьей Матери (1909 г.), Майкопская филиальная церковь во имя Святого Антония Падуанского (1914 г.). В регионе были и другие молитвенные дома и церкви, однако в них ведущую роль играли представители других народов, исповедующих католицизм: в селениях вокруг Анапы и Новороссийска преобладали чехи и словаки, в селах Семеновка, Новониколаевка и Рождественское – немцы, а в станицах Крымской и Баталпашинской – армяно-католики ([Кропачев, Селицкий, 2016: 11](#)).

Важной сферой проявления польского духа и традиций взаимопомощи стали организуемые при костелах римско-католические благотворительные общества, были открыты польские школы ([Кропачев, 2018: 122](#)). Так, в начале 1920-х гг. в Краснодаре была открыта польская школа № 30. Она занимала часть помещения римско-католического собора, располагавшегося на улице Графской (ныне Советская). В школе проводились общие собрания поляков-краснодарцев. Заведующий школой в 1923–1925 г. была Ядвига Казимировна Годзевич (урожденная Янковская). В Краснодаре был создан в это время городской клуб «Нацмен». В него входили представители диаспор, проживавших в городе. Клуб «Нацмен» свои заседания проводил в помещениях польской школы. В клубе с успехом работали драматический, музыкальный и политический кружки. Члены польской секции клуба совместно с учителями польской школы ставили спектакли, устраивали концерты и семейные вечера ([Население и территория, 2017: 553](#)).

Как известно, смена политического курса в конце 1920-х гг. имела негативные последствия и по отношению к нацменьшинствам, повлияла на сохранение их численности и возможность развиваться. Так, в годы «большого террора» и проведения «польской операции» в 1937–1938 гг. были уничтожены практически все взрослые мужчины польского происхождения, проживавшие на Кубани. С 1926 по 1939 гг. польское население Краснодарского края сократилось в два раза ([Кропачев, Селицкий, 2016: 20](#)). В 1937 г. в Краснодаре был закрыт костел, его здание было переоборудовано в жилой дом.

Большинство тех, кто имел отношение к костелу, были репрессированы (Кропачев, Селицкий, 2016: 23).

Этносы России в 1920-е гг. находились на разных стадиях не только социально-экономического, но и культурного развития. Эти процессы, впрочем, тесно связаны между собой. Так, уровень грамотности по переписи населения 1926 г. в России был низким и составлял лишь 40,7 % грамотных, 52,3 % у мужчин и 30,1 % у женщин (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 95). Правда, в других советских республиках, кроме Украинской ССР, этот уровень был еще ниже. Например, в ЗСФСР – 27,8 %, УзССР – 7,7 %, ТуркССР – 9,6 % (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 102, 105, 108, 109). В Российской Федерации у жителей городов уровень грамотности был значительно выше, чем у сельских жителей (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 95). Мужчины были гораздо образованней, чем женщины. Самый высокий показатель грамотности был у мужчин, проживавших в городах, – 73 %, самый низкий – у сельских женщин – 24,1 % (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 95; Жиромская, 2001: 179).

Перепись населения 1926 г. зафиксировала самый высокий уровень грамотности у представителей европейских народов, проживавших в СССР: у латышей – 74,5 %, эстов – 72,4 %, литовцев – 70,5 %, финнов – 76,0 %, финнов ленинградских – 70,5 %, немцев – 60,2 %, чехов и словаков – 74,3 %, сербов – 61,3 %, болгар – 51,5 %, румын – 56,4 %, греков – 50,3 %, албанцев – 46,5 % (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 86). В переписи указана еще одна собирательная группа «англичане, шведы, голландцы, итальянцы, французы и мадьяры» (83,4 % грамотных), но в силу ее малочисленности (14 920 человек) она является лишь исключением и не может сопоставляться с народами, составлявшими большинство жителей СССР и РСФСР (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 86).

Высоким процент грамотности был у евреев (ашкеназов) – 72,3 %, евреев крымских – 58,2 %, ижоров – 60,9 % (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 86). Рекорд образованности принадлежал малочисленному тюркоязычному народу (8324 чел.), проживавшему в основном в Крыму, – караимам. У них уровень грамотности составлял 84,9 % и был одинаково высоким у мужчин и женщин (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 86).

У восточнославянских народов (русские, украинцы и белорусы) показатели грамотности были намного выше, чем у большинства народов СССР и РСФСР: у русских – 45,1 %, украинцев – 41,3 %, белорусов – 37,3 % (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 86).

Уровень грамотности зависел не только от степени развития того или иного этноса, места его проживания, но и от религиозности, традиций, достатка, семейного образования и других факторов. Так, домашнее образование, изучение родного языка было широко распространено у этнических немцев в ряде регионов России вплоть до 1970-х гг.

Ниже, чем у восточноевропейских народов, показатели грамотности были у этносов Поволжья: татар (включая черневых татар и кряшенов) – 33,4 %, башкир – 24,3 %, марийцев – 26,6 %, мордовцев – 22,9 %, чувашей – 30,7 %, вотяков (удмуртов) – 25,6 % (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 86). В сельской местности показатели грамотности были значительно ниже, чем в городах; они резко снижаются и у мужчин, и у женщин с повышением возраста. Грамотных мужчин у народов Поволжья в 1920-е гг. было в 2–4 раза больше, чем грамотных женщин (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 86; Жиромская, 2001: 181).

В плачевном состоянии по уровню грамотности находились нацменьшинства, населявшие окраинные районы России: народы Азиатского Севера, Северного Кавказа и Дагестана, Казахской и Киргизской АССР. Всесоюзная перепись населения 1926 г. объединила в группу «Народы Азиатского Севера» шесть этносов – гольды, чукчи, коряки, камчадалы, гиляки, эскимосы. Уровень их грамотности составлял 9,4 %. Примерно такая же картина была у тунгусов (эвены и эвенки) – 13,6 %, якутов – 6,3 %, остяко-самоедов и самоедов (ненцы) – 3,0 % и т.д. Исключение составляли буряты. Их индекс грамотности равнялся 23,2 %, у мужчин – 36,9 %, у женщин – 9,3 % (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 87).

Не лучше была картина у этносов Северного Кавказа. Пятидесятилетняя война, депортация народов не способствовали проникновению грамотности в кавказские аулы, прежде всего расположенные в горных и труднодоступных районах. Так, среди собирательной группы «горцы Дагестана» грамотных было всего 5,9 %, у других народов, проживавших в республике, примерно столько же: у татов – 5,9 %, кумыков – 11,1 % (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 87).

Другие этносы, населявшие автономии Северного Кавказа, также имели весьма низкий индекс грамотности: черкесы (черкесы и адыгейцы) – 16,9 %, кабардинцы – 6,8 %, чеченцы и бацбии – 2,9 %, ингуши – 9,1 %, карачаи (карачаевцы) – 9,2 %, балкары – 5,3 % и т.д. Исключением, «кавказскими бурятами», являлись осетины, среди которых было 21,2 % грамотных. Среди киргизов грамотных было всего 4,6 %, казахов – 7,1 % ([Всесоюзная перепись, Вып. VII: 87](#)). Женщины народов, проживавших в окраинных районах России, были поголовно неграмотными. Уровень грамотных женщин у разных народов составлял от 0,3 % – киргизы и чеченцы – до 11 % – осетины ([Всесоюзная перепись, Вып. VII: 87](#)). Это говорит о бесправии женщин этих народов, их низком социальном статусе и полной зависимости от мужчин.

Образование в стране в 1920-е гг. не получило широкого развития. Система среднего и высшего образования только формировалась. Изменения начали происходить в 1930-е гг., но они были весьма скромными. В конце 1930-х гг. среднее образование имели 4,6 % населения, а высшее – 0,6 % ([Жиромская, 2001: 182-185](#)).

Революционные идеи об институтах брака и семьи конца XIX – начала XX в. отчасти были воплощены в России после революции 1917 г. Секуляризация брака, провозглашенная в декретах «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака» (декабрь 1917 г.) подорвала правовую основу патриархальной семьи. Все дела о браке и разводе изымались из ведения церковных органов. В Семейном кодексе РСФСР 1918 г. провозглашалось, что «только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов» ([Демографическая модернизация, 2006: 87](#)).

Все социальные, сословные, религиозные, национальные ограничения, связанные со вступлением в брак и его расторжением, отменялись. Закреплялось равноправное положение супругов в обществе, браке и семье. Женщина становилась юридически свободной. Эти прогрессивные нормы на практике воплощались очень медленно. Ранние браки, бесправие женщин, недобровольность вступления в брак, многоженство (в Средней Азии и на Северном Кавказе) оставались в 1920-е гг. массовым явлением. Вера, традиции, институты социального контроля, прежде всего у неславянских народов, долгие годы консервировали укоренившиеся модели брачного поведения.

Зарегистрированные гражданские браки не покрывали всех случаев возникновения фактических брачных отношений. Происходило это в том числе из-за дефицита мужчин на брачном рынке. Так, в 1923 г. в стране насчитывалось около 100 тыс. незарегистрированных (фактических) браков ([Демографическая модернизация, 2006: 87](#)). Особенно такие браки были популярны у молодежи крупных городов.

Это обстоятельство заставило государство признать юридическую силу за фактическими браками. Данная правовая норма была зафиксирована в Кодексе законов о браке, семье и опеке, принятом в 1926 г. на сессии ВЦИК РСФСР. Новый Кодекс был введен в действие с 1 января 1927 г.

Институт фактического брака просуществовал в Советском Союзе с 1927 по 1944 гг. и имел широкое распространение. Так, по переписи населения 1937 г. в СССР в браке состояло 64 561 843 мужчин и женщин. При этом, мужей было на 1 459 159 человек меньше, чем жен, состоявших в браке (или считавших себя таковыми). Это стало следствием легитимизации незарегистрированного брака, а также института многоженства, существовавшего в Казахстане, Киргизии, Дагестане и на Северном Кавказе, подлинные размеры которого установить весьма сложно ([Всесоюзная перепись, 1937/1: 82](#)).

В целом, в 1920-е гг. институт семьи и брака в России не претерпел значительных трансформаций, несмотря на изменившиеся социальные условия и принятые законы. Большинство народов находилось на стадии традиционного типа воспроизводства населения (раннее вступление в брак, многодетные семьи, фактическое неприменение аборт, табу на разводы и т.д.). Традиционной была и роль женщины в семье и обществе. Старая система брачно-семейных отношений стала разрушаться позднее, в 1930-е гг., под влиянием политики индустриализации и коллективизации ([Демографическая модернизация, 2006: 86-91; Араловец, 2009: 32-35](#)).

При этом нужно отметить, что не все вековые традиции и обычаи в сфере семьи и брака исчезли. Многие живы до сих пор, особенно у народов Дагестана и Северного Кавказа.

Так, у адыгейцев, проживающих в Республике Адыгея и Краснодарском крае, обязательной нормой поведения как для сельских, так и городских жителей является полное отсутствие контактов между зятем и тещей, сохранились обычаи «кражи» (умыкания) невесты (как правило, по предварительной договоренности) и т.д.

До революции 1917 г. религия в Российской империи играла огромную роль, прежде всего, православие, широко распространенное среди восточнославянских народов. Девиз, с которым шли в бой и умирали, содержал три святых для православных людей слова: «За веру, царя и отечество!» Мы видим, что на первом месте стояла вера. После революции ситуация изменилась. Атеистический курс государства, коммунистическая идеология, изменения границ привели к сокращению количества верующих. Однако в 1920-е гг. религиозные верования и убеждения в России играли большую роль. В стране исповедовали все ветви христианства (православие, католицизм, лютеранство, протестантство, армяно-григорианство и др.), мусульманство (магометанство), иудейство, буддизм и ламаизм, шаманство. Страна продолжала оставаться полиэтничной и многоконфессиональной. После всплеска агрессии периода революции, Гражданской войны и голода 1921–1922 гг. в годы новой экономической политики наступило относительное затишье, государство лояльно относилось к религии и верующим. Это мы видели на примерах польской диаспоры Кубани. В 1920-е гг. в России наблюдалось несколько устойчивых тенденций. По понятным причинам увеличилось количество атеистов. Наблюдалась прямая зависимость уровня грамотности и верований. Доля верующих женщин (прежде всего у христиан) была выше, чем верующих мужчин. Очень популярны у православных были церковный брак, крестины, отпевание, празднование Пасхи и других религиозных праздников. Так, доля церковных браков в 1922–1924 гг. у рабочих Нижнего Тагила составляла 40 % от общего числа заключенных брачных союзов (Араловец, 2009: 36).

Перелом наступил в 1929 г. Начавшаяся коллективизация и состоявшийся в июне 1929 г. II съезд Союза воинствующих безбожников привели к массовому закрытию культовых зданий, аресту священнослужителей и верующих. Были закрыты тысячи православных церквей, монастырей, молитвенных домов. Арестованы иерархи Русской православной церкви. Гонениям подверглись все имевшиеся в Российской Федерации конфессии – мусульманство, иудейство и др. Католическая церковь в конце 1930-х гг. прекратила свое существование.

4. Заключение

Подводя итоги исследованию демографического развития этносов России в 1920-е гг., отметим, что они существовали в относительно благоприятной политической, социально-экономической и культурной среде. Закончился период разрухи, войн, эпидемий и пандемий, кризисов и катастроф. Экзогенные факторы минимально влияли на демографическое поведение многочисленных этносов, проживавших в стране. Десятилетие демографического благополучия привело к стабильному приросту населения, снижению смертности, в том числе детской, победе над многими опасными болезнями. Двести российских этносов имели возможность изучать свой родной язык, историю, культуру, исповедовать традиционную религию. Это десятилетие можно назвать переходным от господства укоренившихся обычаев, традиций, ценностей, верований, институтов к новациям во всех сферах существования этносов, кардинально изменивших их уклад и качество жизни. К сожалению, этот «золотой период» был весьма непродолжительным, ему на смену пришел этап демографических кризисов, продолжившихся до середины XX в.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в соответствии с Планом научной работы Института российской истории РАН.

Литература

Араловец, 2009 – Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.

Всесоюзная перепись, Вып. III – Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. III: Население СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1927. 63 с.

[Всероссийская перепись, Вып. IV](#) – Всероссийская перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. 138 с.

[Всероссийская перепись, Вып. VII](#) – Всероссийская перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. 111 с.

[Всероссийская перепись, 1937/1](#) – Всероссийская перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1991. 239 с.

[Всероссийская перепись, 1937/2](#) – Всероссийская перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.

[Всероссийская перепись, 1939](#) – Всероссийская перепись населения 1939 года: Основные итоги. М.: Наука, 1992. 256 с.

[Демографическая модернизация, 2006](#) – Демографическая модернизация России. 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

[Жиromская, 2001](#) – *Жиromская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.

[Исупов, 2000](#) – *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

[Кропачев, 2018](#) – *Кропачев С.А.* Демографические потери населения СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов. Проблемы российской истории и историографии. Майкоп: Полиграф-Юг, 2018. 280 с.

[Кропачев, Селицкий, 2016](#) – *Кропачев С.А., Селицкий А.И.* Мартиролог поляков Кубани. Репрессированные в ходе «польской операции» НКВД 1937–1938 гг. Майкоп: Полиграф-Юг, 2016. 220 с.

[Население и территория, 2017](#) – Население и территория России: история и современность. М.; Самара: ИРИ РАН, 2017. 623 с.

[Население России, 2000](#) – Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2000. 463 с.

[Поляков, 1986](#) – *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. 272 с.

[Россия и СССР, 2001](#) – Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001. 608 с.

References

[Aralovec, 2009](#) – *Aralovec N.A.* (2009). Gorodskaja sem'ja v Rossii, 1927–1959 gg. [Urban family in Russia, 1927–1959]. Tula: Grif i K, 304 p. [in Russian]

[Demograficheskaja modernizacija, 2006](#) – Demograficheskaja modernizacija Rossii. 1900–2000 [Demographic modernization of Russia. 1900–2000]. М.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 608 p. [in Russian]

[Isupov, 2000](#) – *Isupov V.A.* (2000). Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoj polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the XX century: Historical and demographic essays]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 244 p. [in Russian]

[Kropachev, 2018](#) – *Kropachev S.A.* (2018). Demograficheskie poteri naselenija SSSR. Nachalo 1930-h – seredina 1940-h godov. Problemy rossijskoj istorii i istoriografii [Demographic losses of the USSR population. Early 1930s – Mid 1940s. Problems of Russian history and historiography]. Maikop: Poligraf-Yug, 280 p. [in Russian]

[Kropachev, Selickij, 2016](#) – *Kropachev S.A., Selickij A.I.* (2016). Martirolog poljakov Kubani. Repressirovannye v hode «pol'skoj operacii» NKVD 1937–1938 gg. [Martyrology of Kuban poles. Repressed during the “Polish operation” of the NKVD 1937–1938]. Maikop: Poligraf-Yug, 220 p. [in Russian]

[Naselenie i territorija, 2017](#) – Naselenie i territorija Rossii: istorija i sovremennost' [Population and territory of Russia: history and modernity]. М.; Samara: IRI RAN, 2017. 623 p. [in Russian]

[Naselenie Rossii, 2000](#) – Naselenie Rossii v XX veke [Population of Russia in the XX century]. In 3 vols. Vol. 1. M.: ROSSPEN, 2000. 463 p. [in Russian]

[Poljakov, 1986](#) – *Poljakov Ju.A.* (1986). Sovetskaja strana posle okonchanija grazhdanskoj vojny: territorija i naselenie [Soviet country after the end of the civil war: territory and population]. M.: Nauka, 272 p. [in Russian]

[Rossija i SSSR, 2001](#) – Rossija i SSSR v vojnah XX veka: Statisticheskoe issledovanie [Russia and the USSR in the wars of the XX century: a statistical study]. M.: Olma-Press, 2001. 608 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', 1937/1](#) – Vsesojuznaja perepis' naselenija 1937 g.: Kratkie itogi [All-Union Census of 1937: Brief Results.]. M.: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1991. 239 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', 1937/2](#) – Vsesojuznaja perepis' naselenija 1937 goda: Obshhie itogi. Sbornik dokumentov i materialov [All-Union Census of 1937: General Outcomes. Collection of documents and materials]. M.: ROSSPEN, 2007. 320 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', 1939](#) – Vsesojuznaja perepis' naselenija 1939 goda: Osnovnye itogi [All-Union Census of 1939: Main Results]. M.: Nauka, 1992. 256 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', Vyp. III](#) – Vsesojuznaja perepis' naselenija 17 dekabrja 1926 g.: Kratkie svodki. Vyp. III: Naselenie SSSR [All-Union Census of December 17, 1926: Brief Reports. Vol. III: The population of the USSR]. M.: Izdanie TsSU SSSR, 1927. 63 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', Vyp. IV](#) – Vsesojuznaja perepis' naselenija 17 dekabrja 1926 g.: Kratkie svodki. Vyp. IV: Narodnost' i rodnoj jazyk naselenija SSSR [All-Union Census of December 17, 1926: Brief Reports. Vol. IV: Nationality and mother tongue of the population of the USSR]. M.: Izdanie TsSU SSSR, 1928. 138 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', Vyp. VII](#) – Vsesojuznaja perepis' naselenija 17 dekabrja 1926 g.: Kratkie svodki. Vyp. VII: Vozrast i gramotnost' naselenija SSSR [All-Union Census of December 17, 1926: Brief Reports. Vol. VII: Age and literacy of the population of the USSR]. M.: Izdanie TsSU SSSR, 1928. 111 p. [in Russian]

[Zhiromskaja, 2001](#) – *Zhiromskaja V.B.* (2001). Demograficheskaja istorija Rossii v 1930-e gg. Vzgljad v neizvestnoe [Demographic history of Russia in the 1930s. Gaze into the unknown]. M.: ROSSPEN, 280 p. [in Russian]

Проблемы демографического развития российских этносов в 1920-е годы

Сергей Александрович Кропачев ^{a, *}

^a Институт российской истории РАН, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу демографического развития наций, народностей и племенных групп в РСФСР в 1920-е гг. Рассматриваются вопросы перехода страны к мирной жизни после окончания Гражданской войны и то, как это повлияло на динамику народонаселения. Автор исследует особенности административно-территориального деления России и динамику развития почти 200 этносов, существовавших тогда в стране. Анализируются вопросы продолжительности жизни, смертности, семейно-брачных отношений, грамотности и верований различных этносов. Подчеркивается консервация традиционных укладов жизни народов и сохранение укоренившихся типов воспроизводства населения в условиях смягчения экзогенных факторов.

Ключевые слова: демография, этносы, Россия, РСФСР, 1920-е годы, административно-территориальное деление.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rektor@eipk.info (С.А. Кропачев)